

9. Kraevskiy V. V. Osnovy obucheniya. Didaktika i metodika: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy / V. V. Kraevskiy, A. V. Hutorskoy. M.: Akademiya, 2007. 352 s.
10. Kun T. Struktura nauchnyh revolyutsiy. M., 2001.
11. Lazukova N. N. Istoricheskiy analiz stanovleniya metodicheskikh sistem obucheniya // Preemstvennost' metodicheskikh sistem obucheniya. Ch. 2. Sovremennye predstavleniya o preemstvennosti metodicheskikh sistem obucheniya. Kollektivnaya monografiya / pod nauchn. red. A. P. Tryapitsynoy. SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2018.
12. Levshina S. V. Izmenenie sodержaniya shkol'nogo estestvennonauchnogo obrazovaniya pri reformirovanii shkoly v period 20–90-h gg. XX veka // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2016. № 181. S. 55–60.
13. Masuda Y. Informatsionnoe obshchestvo. Vashington, 1981.
14. Matrosova Yu. S. Otchuzhdenie podrostkov ot shkoly kak negativnyj faktor sotsializatsii // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2016. № 181. S. 7–12.
15. Orlov A. A., Orlova L. A. Harakteristika «setevoy lichnosti» kak innovatsiya v strukture sodержaniya pedagogicheskogo obrazovaniya // Pedagogika. 2018. № 7. S. 12–32
16. Podol'skiy O. A., Pogozhina V. A. Klyuchevye kompetentsii vypusnikov i molodyh spetsialistov pri prieme na rabotu // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya. 2016. № 1. S. 96–103.
17. Radionov V. E. Netraditsionnoe pedagogicheskoe proektirovanie. SPb.: Izd.-poligr. tsentr SPbGTU, 1996. 140 s.
18. Stepanov S. Yu. Refleksivnaya praktika tvorcheskogo razvitiya cheloveka i organizatsiy. M.: Nauka, 2000. 173 s.

И. А. Щирова

ОТКРЫТОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА VS ГРАНИЦЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье кратко характеризуется традиционный понятийный аппарат интерпретатора текста художественной литературы, в том числе понятия авторского мотива, замысла, интенции и текстового смысла. Текст трактуется как индивидуально-авторский вариант картины мира, предназначенный для воздействия на когнитивную систему читателя-интерпретатора. Поэтапность и многоуровневость актуализации программы интерпретации художественного текста анализируются с позиции базовых принципов текстопорождения (селекции и комбинации) и принципов выдвижения, позволяющих автору и читателю-интерпретатору установить иерархию текстовых значимостей и обеспечить адекватность интерпретации. Заданность текста и актуализация программы его интерпретации в читательском сознании рассматриваются в органическом взаимодействии с неопределенностью текста. Вопросы авторского программирования включаются в контекст общей дискуссии об открытости художественного текста, критериях и пределах интерпретации.

Ключевые слова: диалогизм, программа интерпретации художественного текста, интенция, интенциональность, открытость текста, границы интерпретации, техника «потока сознания».

I. Schirova

THE OPENNESS OF A FICTIONAL TEXT VS. THE LIMITS OF INTERPRETATION

The paper briefly characterises the traditional conceptual and terminological apparatus of the interpreter of a fictional text, the concepts of the author's motive, idea, intention, and the meaning of the text being included into this characterisation. The text is defined as the author's individual worldview, intended to influence the reader's/interpreter's cognitive system. The stages and the levels of interpreting a fictional text are treated as connected with the basic principles of text generation (selection and combination) and the principles of foregrounding, which allow the author and the reader/interpreter to establish a hierarchy of textual meanings and ensure the adequacy of interpretation. The intentionality of the text and the actualisation of the program for its interpretation in the reader's mind are described in their organic interaction with the text ambiguity. The questions of programming a fictional text are included into a general discussion about its openness, the criteria and the limits of its interpretation.

Keywords: dialogism, program for a fictional text interpretation, intention, intentionality, openness text, limits of interpretation, stream of consciousness technique.

Сложная природа антропоцентричного художественного текста и антропомерность современной науки прогнозируют многообразие видений художественного текста, не исключających, но дополняющих друг друга. Текст изучается как лингвосемиотическое образование, имеющее план содержания и план выражения (сложный знак); как иерархически организованное структурно-семантическое единство высшего ранга, интегрирующее свои элементы [18]; как художественно-трансформированный/ превращенный речевой акт [13], как эстетическое событие, в котором встречаются «принципиально неслиянные» [2] сознания автора и читателя; как коммуникативное целое и единица литературной коммуникации. Текст — это действенное средство трансформации авторского мировидения в художественную структуру произведения, индивидуально-авторский вариант концептуализации мира. Образующие художественную модель, т. е. эстетически оформленные репрезентанты реального опыта креативного субъекта имплицитно его ценностную позицию. С помощью текста автор вторгается в когнитивную систему читателя и модифи-

цирует её в аналогичном авторскому ценностном направлении. Проблематизация объективированного в тексте авторского отношения к миру, однако, зависит от *Другого* (читателя) — носителя индивидуального, группового или общественного сознания. Ответное понимание речевого целого носит диалогический характер [2, с. 337].

Диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления [2, с. 330]. Согласно установкам современной научной парадигмы, поиск (толкование) соотносимого с текстом смысла происходит на рубеже двух сознаний: порождающего и воспринимающего текст. «Два момента», характеризующие текст как высказывание, — замысел («интенция») текста и его осуществление — находятся между собою в динамических взаимоотношениях, в состоянии расхождения и борьбы, влияющей на характер текста. Понимание исключает тавтологию или дублирование, поскольку в нем всегда присутствуют двое. Оно диалогично по природе и представляет собой «важное отношение» [2, с. 307–336]. Диалогичность понимания априори утверждает важность когнитивной деятельности интерпретатора.

Текстовый смысл остается без неё виртуальным, а сущностно значимое право автора на выражение своих идей (ср. у Мориака: *essential right of a novelist to comment, to express his views* (цит по [24, p. 77]) — нереализованным.

Особую значимость когнитивные усилия читателя-интерпретатора обретают в художественных текстах XX–XXI вв. К освоению текстового смысла, представленного в экспериментальных новаторских формах модернизма и постмодернизма, оказывается способным лишь «искушенный читатель». Справедливым по отношению к таким текстам представляется вывод Н.К. Рябцевой о повышении усилий реципиента при декодировании информации, передаваемой ему в неконвенциональных (в нашем случае — ранее не имевшихся в эстетическом опыте читателя — И. Щ.) языковых формах. Разрушение стереотипов активизирует когнитивную деятельность читателя, деавтоматизирует общение и придаёт ему креативный характер [17, с. 567]. Авторская оценка в таких текстах, как правило, не имеет прямолинейного характера: она перемещается в подтекст, ставя читателя перед необходимостью принятия иллюзорно самостоятельных интерпретационных решений, транслируется в ироническом модусе повествования или скрывается за «авторской маской».

Расширение спектра интерпретационных решений программируется специфической организацией текстовой структуры, в которой вычлняются напоминающие крону сложные лабиринты: обилие «разветвлённых коридоров и тупиков» позволяет «блуждающему» в них читательскому сознанию принимать интерпретационные решения путём проб и ошибок. Ещё меньшую степень прямолинейности, т. е. возможность большего выбора интерпретационных решений, программирует сверхсложный повествовательный лабиринт, «потенциально безграничная», по выражению У. Эко, структура, в которой отсутствуют центр, периферия и вы-

ход, а каждая дорожка может пересечься с другой [21, с. 628–629].

Освоение сверхсложного лабиринта уместно соотносить с освоением энциклопедии, о построении которой рассуждает У. Эко, сравнивая и противопоставляя её словарю. Понятия словаря и энциклопедии традиционно используются в лингвистике, семиотике, когнитивных науках, информатике и философии языка для выделения двух моделей семантической репрезентации, отсылающих к представлению о знании и/или мире. Модель словарной структуры связывается с единым древом субстанций Порфирия, которое состоит из родов и видов, претендует на иерархическую законченность, завершенность и логическую чистоту. Давая определение термину и соответствующему понятию, модель словаря учитывает свойства, «необходимые и достаточные» для разграничения понятий, в то время как свойства, представленные в модели энциклопедии, необходимыми не являются. Они не составляют части знания языка, а скорее являются знаниями о мире [22, с. 7, 10]. Эко настаивает на «утопии словаря» в современной семантике, подвергая критике предпринимавшиеся в лингвистике XX в. попытки построить (с целью определения содержания, выраженного терминами естественного языка) законченную систему фигур, которая бы обладала характеристиками фонологической системы. Такая система должна была иметь в виду ограниченное количество фонем и их систематическое противопоставление. Постулировавшаяся семантика признаков как семантических или первоосновных атомов стремилась установить необходимые и достаточные условия для определения значения, — за исключением условия познания мира (ср. идеи Ельмслева) [там же, с. 21]. В семантической репрезентации, однако, считает У. Эко, трудно проводить различия между лингвистическими знаниями и познанием мира. Лингвистическая компетенция энциклопедична (ср. идеи когнитивной семантики), и следовательно,

стремиться нужно к полному образованию, обучению по всему кругу знаний, — именно эти смыслы несет в себе термин «энциклопедия». Что касается словаря, то он, благодаря собственным внутренним силам, «растворяется в беспорядочной и безграничной галактике элементов познания мира, т. е. становится энциклопедией [там же, с. 21, 24, 25, 26].

Не менее утопичной представляется и попытка предложить упрощенные интерпретационные решения для осмысления художественных текстов, выстраивающихся по модели сверхсложного лабиринта, например, к упоминавшимся модернистским текстам. Отражая революционные идеи З. Фрейда, К. Г. Юнга и А. Бергсона, эти тексты воспроизводят в художественной форме глубины сознания. Сложность их осмысления, в силу сложности предмета изображения, исключает ясность и прямолинейность интерпретационного выбора. Моделируемое в тексте погружение мира в сознание — процесс интериоризации имитирует передачу информации по каналу автокоммуникации. Язык автокоммуникативного сообщения (в терминологии Л. С. Выготского, внутренняя речь) воссоздается в художественном аналоге как «язык образов и схем» [5, с. 82]. Он характеризуется свернутостью структуры, «установкой на именную стиль» [7, с. 548], «неотступно сопровождающими» этот язык образными представлениями [4, с. 272]. Видимость спонтанности внутренней речи обеспечивается отсутствием артиклей, местоимений, глаголов, незаконченностью предложений. Широкая сеть ассоциаций, формируемая перцептуальными и метафорическими образами, эллиптичность синтаксической структуры, моделируемая с помощью эллиптических предложений, одноставных предложений и парцеллятов [20], расширяют спектр интерпретативных прочтений, прогнозируют гибкость интерпретационной программы, которая задана в текстовой структуре, несмотря на иллюзорную неуправляемость изображаемого «потока

сознания». Сошлемся на призывы В. Вулф к обнаружению маркеров такой программы: Let us record the atoms as they fall upon the mind in the order in which they fall, let us trace the pattern, however disconnected and incoherent in appearance, which each sight or incident scores upon the consciousness [26, p. 85]. Интересно отметить, что характеристики интериоризованного дискурса включаются исследователями в широкий контекст современной культуры, при этом некоторые из выделяемых особенностей этой культуры указывают на открытость интериоризованных текстов, т. е. подтверждают тезис о высокой степени гибкости их интерпретационной программы, формулируемый в статье. Ср.: персонализация, сетевой характер, клиповость, символический и виртуальный характер, гетерогенность, темпоральная изменчивость, преодоление однозначности, множественность, бесконечно разветвляющееся смыслопорождение, неограниченная игра означающих, разрушение границ между различными областями знания и пр. [15, с. 4].

Поиск глубинного смысла в текстах «потока сознания» предполагает разнообразие интерпретативных решений и может сравниться с путешествием по энциклопедии, которую У. Эко называет «картой» территорий с изрезанными и неопределенными границами [22, с. 29]. Как и «хождение» по энциклопедии, «хождение» по смысловому пространству модернистского текста создает впечатление перемещения по лабиринту «вдоль и поперек» (выражение У. Эко), при этом направление движения читателя, как думается, определяется его индивидуально-личностными интенциями, тезаурусом и языковыми компетенциями. Смысловая открытость текста «в бесконечность» (Р. Барт) напоминает смысловую открытость энциклопедии как «непрерывно развивающегося перечня» [22, с. 38].

Усложнение структурных лабиринтов в пространстве текстуального универсума можно связать с особенностями организации

семантического пространства текста, его структуры, в т. ч. повествовательной, и композиции. Так, многообразие повествовательно-речевых планов и точек зрения, размывающее границы между мыслью и поступком, справедливо соотносится с имитацией неуловимости человеческого сознания (*the elusiveness of the phenomenon of consciousness*). Д. Лодж обнаруживает её в текстах В. Вулф [24, р. 53]. Частые переключения повествовательных инстанций формируют дополнительную смысловую перспективу, программируют открытость текста различным прочтениям.

Расширению спектра интерпретационных решений способствует разветвление сети мотивов и лейтмотивов, а также семантическое сгущение текстового пространства, вызываемое трансформациями языковой единицы. Интегрируясь смысловым текстовым целым, она встраивается в сложные ассоциативные цепи, обретает метафорические и символические текстовые смыслы. Иллюстрацией служат многочисленные каламбуры, возникающие в результате переходов между рядами звуковых, синекдохальных, метонимических и метафорических ассоциаций в «Поминках по Финнегану» Джойса [22, с. 68].

Смысловая открытость текста может явиться результатом детализации повествования. Так, подтекст экстерииоризированных психологических текстов XX в. формируется художественными деталями, «овнешняющими» внутренний мир персонажа. Выполняя функцию опорных смысловых пунктов, эти текстовые компоненты привлекают внимание реципиента, превращаются в поисковый стимул в процессе осмысления им целостного образа, индуцируемого деталью. Выдвигая на передний план внутренний мир персонажа в условиях иллюзорного отсутствия авторской оценки, «овнешняющие» детали активизируют знания, мнения, установки и эмоции читателя, облегчают для него поиск релевантной текстовой информации.

Многосмысленность сложных художественных форм XX–XXI вв. неизбежно гипертрофирует «права читателя». В современной научно-критической литературе доминируют радикально ориентирующиеся на читателя рецепционистские концепции; в них отвергается «авторитарная» идея авторской интенции и постулируется вкладывание смысла в текст (Дж. Хиллис Миллер, Р. Рорти). Автор статьи не раз обращался к таким концепциям, как и к более близким ему идеям У. Эко о необходимости выстраивания корреляций между структурными и интерпретативными параметрами текста; о важности автора как объективируемой в тексте инструкции; о задаче поиска инвариантных характеристик, наличие которых позволяло бы обнаруживать в разных прочтениях текста не одинаковый, но соотносящийся смысл. Остановимся на взаимосвязи коммуникативных интенций автора и читателя чуть более подробно.

Адресованность текста подразумевает освоение (актуализацию) текстового смысла в читательском сознании. Реконструкции текстового смысла закономерно предшествует его конструирование на всех уровнях и этапах создания текста, хотя вычленение таких фаз в процессе текстопорождения, в силу сложности творческого процесса и текстовой организации, носит вероятностный характер. Опираясь на базовые принципы текстопостроения (селекцию и комбинацию) и ориентируясь на образцового читателя, автор задает смысл текста, организует смысловую иерархию. Языковые сигналы, маркирующие её в поверхностной структуре текста, программируют выбор и последовательность принятия читателем интерпретативных решений, т. е. формируют интерпретационную программу текста. Формулируемые темы и идеи, с помощью конкретных коммуникативно-творческих стратегий, репрезентируются в образной системе текста, обретающей, в конечном итоге, языковую форму. Эта материальная данность образует доказательную базу в рассуждени-

ях лингвиста о смысле текста и авторском посыле, в то время как фактографический материал лишь дополняет её, более или менее продуктивно.

Акцентуация *намеренности* авторского выбора на всех уровнях и этапах организации текста подразумевает важность её учета читателем-интерпретатором. Эстетический объект задается не как «готовая, конкретно наличествующая вещь», а как интенция, направленность художественно творческой работы и художественно-сотворческого созерцания» [1, с. 502–503]. Интенция — это направленность на решение задачи [12, с. 245]. В понимании, близком к замыслу, авторская интенция предполагает ответ на классический вопрос «Что хотел сказать автор?». Более широкое понимание интенции коррелирует с идеей интенциональности как важнейшего свойства сознания. Благодаря интенциональности состояния сознания характеризуются как имеющие содержание и включающие определенный вид установки по отношению к этому содержанию [8]. Интенциональность — это направленность сознания коммуниканта на объект, предвосхищающая желательный для него результат коммуникации [9, с. 254]. Иное, более узкое видение интенциональности позволяет видеть в ней конститутивный параметр текста. Авторское намерение произвести текст как связное и целостное смысловое единство коррелирует с намерением реципиента получить текст в таком же виде, т. е. как связный и целостный [23]. Подчеркнем, что интерпретирующий характер современного научного познания фокусирует исследовательское внимание не только на намерениях автора, но и на намерениях читателя, «более менее» адекватно распознаваемых и регулирующих ход интерпретации. Эти стороны интенциональности, по мнению В. З. Демьянкова, устанавливают «шкалу оценок личности интерпретатора», которые выражаются в принятии авторских намерений как законных, критично или отстраненно. Для характеристик на-

мерений интерпретатора используется понятие эмпатии, подразумевающее принятие презумпций авторской точки зрения и попытку взглянуть на мир «чужими глазами» или принятие этой точки зрения как аксиомы и «готовность узаконить» авторские намерения [6, с. 33].

Заметим, что в понятийно-терминологическом аппарате описания текста как сложного высказывания, помимо интенции, используется понятие мотива. Мотив, которым руководствуется автор, называется исходным для высказывания; он вызывает процесс высказывания, формирует его основу. К основным видам мотивов относятся требование, обращение информационного характера или желание яснее выразить свою мысль. [12, с. 238]. Однако мотив не имеет содержания. «Первичной семантической записью» является следующий этап высказывания — его замысел, на этапе которого закладывается схема высказывания, а тема (то, о чем идет речь) отделяется от ремы, т. е. того нового, что войдет в высказывание. А. А. Леонтьев, связывает идею замысла целого текста и порождения текста как развертывания замысла с именем Н. И. Жинкина, указывая на её предшественников — Л. С. Выготского и А. Р. Лурию и многочисленных последователей [10, с. 112]. Подобный подход к порождению высказывания, напомним, активно разрабатывался и самим Леонтьевым [там же].

Сложнейшей задачей для исследователя становится описание перехода от субъективного еще не оформленного словесно и понятного лишь субъекту смысла, к формулируемой в речевом высказывании системе значений, словесно оформленной и понятной слушателю. Вслед за Л. С. Выготским, А. Р. Лурия называет мысль, формирующую основу высказывания, самым труднодоступным для вербализации, «неким смутным» и трудно формулируемым психологическим явлением, но именно это явление определяет программу высказывания [12, с. 242, 243, 246]. Отношение мысли к слову есть *не вещь*,

а процесс, движение от мысли к слову и обратно — от слова к мысли. Этот развивающийся процесс проходит через фазы и стадии, претерпевая изменения. «Мысль не выражается в слове, но *развивается* в слове» [там же, с. 306, 308] (курсив мой — И. Щ.). Основным условием для понимания целого текста становится выявление образующих его смыслов, ключевых элементов в составе основы смыслового ядра. Понимание текстовых смыслов носит поисковый характер, а процесс чтения нацелен на уточнение содержания текста посредством выделения и сопоставления существенных смысловых единиц (смысловых ядер) текста с помощью возвращения к «пройденным местам». Процесс чтения — это всегда процесс активного анализа через сличение или синтез [там же, с. 305–306].

Задача описания движения от мысли к слову обретает особую актуальность для интерпретации вышеупомянутых интериоризированных текстов, в сложной художественной структуре которых моделируются «максимальная синтаксическая упрощенность» и «абсолютное сгущение мысли» (фразеология Л. С. Выготского) эмпирической внутренней речи. Слово внутренней речи представляет собой «концентрированный сгусток смысла». Оно «гораздо более нагружено смыслом, чем слово во внешней речи» [там же, с. 351]. Кроме того, каждый элемент интериоризированного текста как «эстетического события» (М. Бахтин) обретает ту или иную степень эстетической значимости, в зависимости от степени своей «вовлеченности» в реализацию глубинного смысла. Определение этой значимости — задача интерпретатора. В науке предлагаются разные методы вычленения центральных (ядерных, доминирующих) смыслов, т. е. ядерной и периферийной зон семантики. Ср., например, идею и принципы выдвижения или концептуальный анализ, в ходе которого описывается полевая структура концепта. С той же целью разрабатывается понятие доминанты — «тех компо-

нентов произведения, которые приводят в движение и определяют отношения всех прочих компонентов» [14, с. 411]. Закономерно предположить, что в интерпретационную программу текста, моделирующую ход его интерпретации, входят и смысловые свертки, указывающие на глубинный смысл текста в большей степени, чем иные текстовые элементы — ключевые слова, которые «служат для понимания текста в первую очередь» [11, с. 84].

«В камне — замечает Фаулз, — всего лишь долговечность материи; в произведениях искусства — долговечность человека» [19, с. 358]. Только в случае обнаружения заложенных автором (запрограммированных) смыслов, а не в случае приписывания тексту смыслов, соответствующих целям интерпретатора, можно говорить о сохранении в тексте культуры и памяти человеческой цивилизации.

Интерпретация не сводится к пассивному расшифровыванию смысла. Она является активной когнитивной деятельностью и требует от читателя мыслительных усилий, апелляции к совокупному знанию о мире посредством социо-культурной контекстуализации текста. «Проживая» моделируемую художественную ситуацию и находя в персонаже «живое и полноправное» (М. Бахтин) чужое сознание, интерпретатор обогащает себя новым опытом познания и самопознания. В литературе XX в. автор не претендует на «завершающее слово». Его субъективное оценочное мнение перемещается в глубокий подтекст, а образцовый читатель ограничивается имплицитными средствами оценки изображаемого. Значимость роли такого читателя-интерпретатора хорошо передают слова А. А. Потемни: сила произведения не в том, что подразумевал под ним автор, а в том, что оно действует на читателя, следовательно, в «*неисчерпаемо возможном* его понимании» [16] (курсив мой — И. Щ.). В отличие от автора, объективированного в созданном артефакте, читатель реализует своё действенное начало в каждой

новой интерпретации. Однако и роль автора не сводится к монтированию чужих точек зрения и чужой правды. Его «диалогическая активность» оставляет за ним право на *свою* точку зрения, «*свою правду*» [2, с. 341–342] (курсив мой — И. Щ.), соответственно, правомерно ориентироваться на соблюдение принципов «диалектики прав» (фразеология У. Эко) литературных коммуникантов. Исходя из предпочтений исследователя, феномен интерпретации можно описать как извлечение смысла из тек-

ста, как его декодирование или как актуализацию виртуального (потенциального) смысла в читательском сознании, однако, ни одно из этих описаний не предполагает вкладывания в текст произвольного смысла. Смысл неизбежно соотносится с текстовой структурой, задаваемой авторским сознанием. Необходимым условием успешной интерпретации текста, как следствие, следует признать установление корреляций между его интерпретативными и структурными параметрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. 731 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. 416 с.
4. Гаспаров Б. М. Язык. Образ. Память (Лингвистика языкового существования). М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
5. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. 224 с.
6. Демьянков В. З. Интерпретация // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. С. 31–33.
7. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Знаковые системы. Кино. Поэтика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 912 с.
8. Кобозева О. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Материалы м/н конференции Диалог 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2642/kobozeva.pdf> (дата обращения: 28.03.2019).
9. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.
11. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории: элементы анализа. М.: Ось-89, 1999. 192 с.
12. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
13. Молчанова Г. Г. Семантика художественного текста (имплицитивные аспекты коммуникации). Ташкент: ФАН, 1988. 163 с.
14. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М.: Изд-во «Прогресс», 1967. С. 406–431.
15. Погребняк Ю. В. Характеристики интериоризованного дискурса; автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2012. 21 с.
16. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
17. Рябцева Н. К. Лингвистическая эстетика и современная научная коммуникация // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. 2019. С. 566–573.
18. Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: Структура и семантика. М.: Книжный дом: Либроком, 2015. 144 с.

19. Фаулз Дж. Аристос. Размышления, не вошедшие в книгу Экклезиаста. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 431 с.
20. Щирова И. А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб.: СПбГУЭФ, 2000. 210 с.
21. Эко У. Имя розы. Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Симпозиум, 1997. С. 597–644.
22. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016. 560 с.
23. De Baugrande R., Dressler, W. Introduction to Text Linguistics. L; N.Y.: Longman, 1981. 290 p.
24. Lodge D. Consciousness and the Novel. Connected Essays. L.: Vintage, 2018. 320 p.
25. Peer W. van Stylistics and Psychology: Investigations of Foregrounding. L: Croom Helm, 1986. 220 p.
26. Woolf V. The Common Reader: First Series, Annotated Edition. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 1984. 137 p.

REFERENCES

1. Bahtin M. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 336 s.
2. Bahtin M. M. Sbranie sochineniy. T. 5. Raboty 1940-h — nachala 1960-h godov. M.: Russkie slovari, 1996. 731 s.
3. Vygot'skiy L. S. Myshlenie i rech'. M.: Labirint, 1996. 416 s.
4. Gasparov B. M. Yazyk. Obraz. Pamyat' (Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 s.
5. Gorelov I. N., Sedov K. F. Osnovy psiholingvistiki. M.: Labirint, 1997. 224 s.
6. Dem'yankov V. Z. Interpretatsiya // Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. M.: filologicheskiy fakul'tet MGU, 1996. S. 31–33.
7. Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Znakovye sistemy. Kino. Poetika. M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1998. 912 s.
8. Kobozeva O. M. K raspoznavaniyu intentsional'nogo komponenta smysla vyskazyvaniya (teoreticheskie predposylki) // Materialy m/n konferentsii Dialog 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2642/kobozeva.pdf> (data obrashcheniya: 28.03.2019).
9. Kul'tura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. M.: Flinta; Nauka, 2003. 840 s.
10. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki. M.: Smysl; SPb.: Lan', 2003. 287 s.
11. Lukin V. A. Hudozhestvennyy tekst. Osnovy lingvisticheskoy teorii: elementy analiza. M.: Os'-89, 1999. 192 s.
12. Luriya A. R. Yazyk i soznanie. Rostov n/D: Feniks, 1998. 416 s.
13. Molchanova G. G. Semantika hudozhestvennogo teksta (implikativnye aspekty kommunikatsii). Tashkent: FAN, 1988. 163 s.
14. Mukarzhovskiy Ya. Literaturny yazyk i poeticheskiy yazyk // Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok. Sbornik statey. M.: Izd-vo «Progress», 1967. S. 406–431.
15. Pogrebnyak Yu. V. Harakteristiki interiorizovannogo diskursa; avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2012. 21 s.
16. Potebnya A. A. Mysl' i yazyk. Kiev: SINTO, 1993. 192 s.
17. Ryabtseva N. K. Lingvisticheskaya estetika i sovremennaya nauchnaya kommunikatsiya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXIV. 2019. S. 566–573.
18. Turaeva Z. Ya. Lingvistika teksta: Tekst: Struktura i semantika. M.: Knizhnyy dom: Librokom, 2015. 144 s.

19. *Faulz Dzh. Aristos. Razmyshleniya, ne voshedshie v knigu Ekkleziasta.* M.: Eksmo-Press, 2002. 431 s.
20. *Shchirova I. A. Hudozhestvennoe modelirovanie kognitivnykh protsessov v angloyazychnoy psihologicheskoy proze HH veka.* SPB.: SPbGUEF, 2000. 210 s.
21. *Eko U. Imya rozy. Zametki na polyah «Imeni rozy».* SPb.: Simpozium, 1997. S. 597–644.
22. *Eko U. Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii.* M.: Akademicheskiy proekt, 2016. 560 s.
23. *De Baugrande R., Dressler, W. Introduction to Text Linguistics.* L; N.Y.: Longman, 1981. 290 p.
24. *Lodge D. Consciousness and the Novel. Connected Essays.* L.: Vintage, 2018. 320 p.
25. *Peer W. van Stylistics and Psychology: Investigations of Foregrounding.* L: Croom Helm, 1986. 220 p.
26. *Wolf V. The Common Reader: First Series, Annotated Edition.* New York: Houghton Mifflin Harcourt, 1984. 137 p.

Л. Б. Копчук

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Уникальная германо-швейцарская ситуация диглоссии создает особые условия для молодежной коммуникации. В качестве одного из ведущих факторов, обуславливающих своеобразие языка молодежи немецкоязычной Швейцарии, рассматривается специфическое языковое сознание, вызванное ситуацией «внешнего многоязычия», сосуществованием четырех национальных языков, и «внутреннего многоязычия» на основе взаимодействия немецкого стандарта (Schweizerhochdeutsch) с многочисленными территориальными диалектами (Schwyzerdütsch). В качестве других определяющих факторов анализируются доминирование диалекта, а также изменение этнографических условий, вызванных миграционными процессами. Анализ показал, что потребность в «отчуждающих», отличных от диалектных, выразительных средствах приводит к использованию молодыми швейцарцами нетипичных для молодежи других немецкоязычных стран элементов литературного стандарта, неродных швейцарских диалектов, а также так называемого этнического немецкого языка.

Ключевые слова: молодежный язык, многоязычие, диглоссия, литературный стандарт, диалекты, этнолекты.

L. Korchuk

LINGUISTIC AND SOCIO-CULTURAL FEATURES OF YOUTH COMMUNICATION IN GERMAN-SPEAKING SWITZERLAND

The unique phenomenon of German-Swiss diglossia creates special conditions for youth communication. One of the key factors determining this specific communication mode is an unusual linguistic consciousness caused by the situation of “external multilingualism”, the coexistence of four national languages in Switzerland, and “internal multilingualism” based on the interac-